

осталось невыполненным, хотя все необходимые указания о их переводе уже были посланы как в Пустозерский острог, так и в Приказы. Был лишь заменен караул и предписано усилить надзор за узниками так, чтобы совершенно лишить их всякой связи с посторонними лицами и возможности писать — не давать чернил и бумаги (см. публикуемую ниже отписку пустозерского воеводы П. Г. Львова от 1677 г.). До этого охране поручалось лишь никого не допускать к заключенным и «ничего не давать» им (см. царскую грамоту и памяти в Новгородский, Разрядный и Стрелецкий приказы от 1676 г.), но не запрещалось (во всяком случае, это не подчеркивалось в документах) иметь бумагу и чернила. Теперь же они были лишены и этого, что, конечно, было новым усилением режима даже по сравнению с прошедшим годом. Что перевод пустозерских узников в монастырские тюрьмы не состоялся, говорит полное умолчание об этом факте в сочинениях Аввакума и остальных бывших с ним в Пустозерске лиц. Лишь Федор мимоходом упоминает об этом.⁴

Чем же было вызвано решение перевести протопопа Аввакума с «товарищи» из Пустозерского острога в монастырские тюрьмы? Прежде чем ответить на этот вопрос, следует сказать, что Пустозерский острог справедливо считался в XVII в. наиболее суровым по режиму местом заключения и одним из наиболее глухих и отдаленных населенных пунктов русского государства. Связь с ним была очень затруднена, а весной и осенью надолго прекращалась совсем. Тяжелое пребывание в остроге усиливалось еще исключительно суровым северным климатом, привыкнуть к которому мог не каждый. Поэтому в Пустозерск всегда посылались наиболее опасные государственные преступники, под крепким караулом, лишенные всякой надежды на освобождение и обреченные на скорую и верную смерть.

И все же, несмотря на такие условия, Пустозерский острог к 1676 г. превратился в духовный центр, «столицу» всего русского старообрядчества. Неведомыми путями, невзирая на строжайшие запреты и репрессии, рискуя жизнью, пробирались в него за советом и одобрением люди старой веры, неся с собой письма, грамотки, книги и необходимые вещи узникам. И из темниц Пустозерска шли во все концы страны писания Аввакума с «товарищи», заделанные искусно в черенки бердышей, зашитые в голенища сапог. Ничто не останавливало «детей духовных» Аввакума, а ему часто в связях с внешним миром помогали деньги, присланные многочисленными «доброхотами». О размахе этих связей можно судить даже по одному Аввакуму. Только одним им с момента появления его в конце 1667 г. в Пустозерске по 1676 г. было написано здесь и переправлено «верным людям» несколько десятков самых различных сочинений, больших и малых. Имелись среди них письма, послания, челобитные, беседы и значительное по размеру Житие, написанное в нескольких редакциях.

Это положение в Пустозерске не могло быть, конечно, не замечено высшими духовными и светскими властями. Они уже и ранее принимали меры к пресечению связи пустозерских узников со своими единомышленниками. С этой целью для каждого заключенного были построены «особые» земляные осыпные избы, огороженные тройным частоколом. Часто

⁴ Любопытно отметить, что несколько лет назад Б. П. Полевым был обнаружен в ЦГАДА неизвестный документ также о несостоявшемся переводе протопопа Аввакума из Даурии в Илимский острог, следующего содержания: «Грамота: велено сослався с илимским воеводою из Якуцкого и из Илимского [острогов] служилых людей, сколько человек пригож, в Дауры з грамотою великого государя к воеводе Афанасью Пашкову [послать] и, взяв у него протопопа Аввакума з женою и з детьми, и с людьми, привезть в Илимской» (ЦГАДА, ф. 1214, Сибирский приказ, кн. 1396 (опись дел архива Якутской приказной избы, 1701 г.), л. 131). Подробнее см. в моей статье в «Русском голосе», 1963, № 3—4, стр. 12. Материалы для истории раскола, т. VI, стр. 255.